

Ю. Буркин:
Сыновьям Константину и Станиславу.

С. Лукьяненко:
...и всем остальным детям.

ПРЕДИСЛОВИЕ

О маминых кошках, папиных инопланетянах и о том, как мы учили древнеегипетский

Я проснулся, когда Ирбис, красный персидский кот, заворочался на подушке и ткнул меня в нос хвостом. Хвост был мягкий, на самом кончике белый и особенно пушистый.

Когда персидские коты линяют — это плохо. А если они при этом еще и любят спать на твоей подушке, это кошмар. Я осторожно взял Ирбиса за кончик хвоста и сделал вид, что собираюсь дернуть. Кот презрительно посмотрел на меня медно-красными глазами и отвернулся. Чихать он на меня хотел. Двенадцатилетние мальчики нигде не считаются священными, а вот коты — да: в Египте.

— Стас, — тихонько позвал я. — Стас, ты дрыхнешь?

Брат не ответил, лишь сверху доносилось его сонное посапывание. Он спит надо мной — у нас двухэтажная кровать, и мой одноклассник Валька Мельник сказал однажды, что это как в тюрьме. Я не нашелся что ответить, а Стас сразу поблагодарил Вальку за информацию, потому что мы в тюрьме еще не бывали. Вышло так, будто Валька сидел в тюрьме. Он обозлился, обругал за это Стаса и плюнул в него. Но не попал.

— Стас! — позвал я для порядка еще разок, подхватывая Ирбиса под теплое толстое брюхо, встал и заглянул на его кровать. Разумеется, брат спал, подушка у него не была усыпана кошачьими волосами, и только в ногах лежал маленький беспородный котенок, которого мама принесла вчера вечером.

Я положил Ирбиса Стасу под щеку, чтобы коту не было скучно в моей пустой постели, а беспородного, не имеющего еще клички котенка засунул ему под одеяло. Котенок начал искать выход из плена, а я побежал умываться.

В коридоре царило легкое утреннее столпотворение. Папа кормил тех кошек, что уже соизволили проснуться, а мама, стоя перед зеркалом, торопливо подкрашивала ресницы. Вот интересно: кошки — хобби мамино, а возиться с ними приходится нам с папой. Но любит она кошек прямо ненормально. Хотя вообще-то она не сумасшедшая. Просто у нее есть «пунктики» — так папа говорит.

Однажды кошки начали беситься, чуть ли не по потолку бегать. Потом оказалось, что кошка по имени Собака котят ждет, а в этом случае остальные кошки психуют. Завидуют, наверное. Но мама тогда этого не знала и решила показать их ветеринару. Приходит в ветлечебницу и говорит:

— Доктор, посмотрите моих кошек.

— А где они? — спрашивает тот.

— Здесь, — отвечает мама, кладет на стол чемоданчик и открывает его. А там лежат восемь кошек по стойке «смирно». Лапы связаны и морды забинтованы — чтобы не орали. Только хвосты — туда-сюда, влево-вправо.

Вся лечебница бегала посмотреть...

Так вот, вышел я в коридор, а мама, накрашиваясь, увидела меня в зеркало и сказала:

— Хухер-мухер*, Костя.

— Хухры-мухры, цурюка**, — торопливо пробормотал я.

Мама оторвалась от зеркала, повернулась ко мне и с возмущением переспросила:

— Цурюка? Зап ардажер, сердев ынау-мынау***!

— Эй! — возмутился папа, переставая раскладывать корм по мискам. — Я тоже немного язык знаю! Это кто же тогда ынау-мынау? Я?

— Ардажер, хухры-мухры, мухры-хухры, — затараторил я. — Зап Сет тага горк минерап. Зап шердап. Лапсердюк. Ыкувон, генекал ардажер. Ынау-мынау ардажер ук. Зап ынау-мынау. (Ну, сможете сами перевести? Слабо? Позор... «Мама, доброе утро два раза подряд. Сет**** отуманил мой разум во сне. Я криво-языкий. Мое уважение огромно. Папа, не ругайся с мамой; пустынным шакалом мама назвала меня. Я пустынный шакал».)

— Вот так-то, — миролюбиво сказала мама, переходя на русский. Из-за легкого узбекского акцента казалось, что она с родного языка перешла на иностранный. Мама выросла в Таш-

* Доброе утро (возможно, др.-егип.).

** И тебе доброго утра, подружка (возм., др.-егип.).

*** Подружка?! Я твоя мать, сын пустынного шакала! (возм., др.-егип.).

**** Сет — довольно неприятный др.-египетский бог. — *Примеч. авторов.*

кенте. Во время землетрясения ее родители пропали, и она жила в детдоме. Но рассказывать об этом не любит. Зато о Ташкенте может часами говорить. Если ее послушать, то на свете нет города красивее и солнечнее. И люди там особенные, и персики там, и вообще... Это ее пунктик № 2 — после кошек. Нет, № 3, второй — это древнеегипетский.

На самом-то деле никто не знает, как древние египтяне говорили, ведь их язык сохранился только в древних надписях, и одни специалисты, например, считают, что пустынный шакал произносится «ынау-мынау», а другие — «еня-меня». Но если уж маме пришлось в голову учить нас древнеегипетскому... Мы со Стасом сначала бунтовали, но потом передумали; никто этого языка не знает, и у нас будет свой секретный шифр.

Проскользнув в ванную, я принялся ожесточенно чистить зубы. Хорошо, что сегодня суббота. Не надо учить уроки, особенно английский. А то у меня все перепуталось. В среду был пересказ текста, и я два раза «школу» вместо «скул» назвал «цурах»*. Хорошо еще, что глуховатая Елена Константиновна, наша учительница, больше внимания обращает на уверенный тон, чем на то, что говоришь.

Бормоча детскую считалочку: «Каргаз, ушур, нердак тушур» (раз, два, третий — крокодил), в ванную вошел Стас. На плече у него, вцепившись когтями в майку и вздыбив шерсть, сидел безымянный котенок. Первым делом Стас пихнул меня, отгесняя от раковины, и начал намазывать зубную щетку, не переставая нудить: «Нердак тушур, перум, южур...»

— Будешь пихаться, схлопочешь, каракуц болотный, — предупредил я. Стасу всего одиннадцать, но все время приходится напоминать ему, кто у нас старший. — Отпусти котенка, ему же страшно.

— Хухер-мухер, — невинно сказал Стас. — Ничего ему не страшно.

— Он кот или кошка? — поинтересовался я.

Стас скосил глаза на котенка и сказал:

— Не знаю. Он еще маленький. И пушистый. Признаки пола не выражены.

— Это у тебя не выражены, дубина пушистая, — разозлился я. — Его же назвать как-то надо!

— Назовем Вале́й, — беззаботно предложил Стас. — Это и мужское имя и женское.

— А почему именно Вале́й? — удивился я.

* школа (возм., др.-егип.).

— Мельнику назло. А то плюется, как курлеп*, — буркнул Стас, изучая в зеркале свою белобрысую физиономию. Он весь в папу, а я как мама: черноволосый и худой.

Я вытерся полотенцем и съязвил:

— Что, усы ищешь?

Стас неожиданно покраснел и зашипел:

— Каваока Сет шенгар**!

— Окавака Сет шенгар***! — не остался я в долгу.

Дверь открылась, и вошел папа. Как раз в ту минуту, когда мы готовились вцепиться друг в друга. Папа снял котенка со Стаскиного плеча и спросил:

— Чего-то не поделили, полиглоты?

— Нет, папа, — дуэтом ответили мы.

— Точно? — усомнился папа. — Не ссорьтесь. Чтобы драться не пришлось.

Держа котенка за шкурку, он вышел. А мы со Стасом понимающе переглянулись. Если папа начал говорить с уточнениями («выключи свет, чтобы темно стало», «позови Стаса, чтобы пришел»), — значит, он погружен в обдумывание...

— Опять инопланетян ищет, — обреченно сказал Стас.

— Точно, — любимым папиным словечком ответил я. — Чтобы жить веселее было.

Папа у нас тоже не сумасшедший. Честное слово. Он археолог, так же как и мама. Просто папа верит в палеоконтакт. Знаете, что это такое? Те, кто верит в палеоконтакт, думают, что на Землю прилетали инопланетяне. Только не сейчас, а давным-давно, еще в первобытные времена. Так что если покопаться хорошенько в древних развалинах или просто в земле, то можно найти скелет инопланетянина, его любимый бластер или даже целый космический корабль. И это вовсе не для того, чтобы прославиться. Просто папа считает, что когда имеешь перед собой такую трудную задачу, то жить веселее и интереснее. Я с этим согласен. Жить веселее. Особенно окружающим. Стас немного помолчал, потом неохотно сказал:

— Ладно, Костя, кеп-хур-ушурбац****.

— Кеп-хур-ушурбац, — согласился я.

И мы пошли завтракать.

Папа ел молча, о чем-то сосредоточенно размышляя, а мама первая никогда говорить не начинает. Она у нас сдержанная и невозмутимая. «Так и должна вести себя женщина Востока, — говорит она, — это традиция». А папа шутит: «За это я тебя и полюбил». А дело было так. Когда папа учился на четвертом

* верблюд (*возм., др.-егип.*).

** Рот Сета, вымазанный гнилой едой (*возм., др.-егип.*).

*** Нецензурно.

**** мир; точнее — «время-между-войнами» (*возм., др.-егип.*).

курсе Ленинградского археологического, а мама — на первом, они на практике вместе попали на раскопки старинной мечети. И папа там выкопал инопланетный череп. Нужно было срочно бежать за фотоаппаратом и фиксирующим раствором, но начался дождь. Папа испугался, что, пока он бежит, череп будет поврежден водой. Тут только он и заметил первокурсницу, которая молча копалась возле него.

— Вас как звать? — спросил он.

— Галина, — ответила наша будущая мама.

— Вот что, Галя, — сказал он, — идите сюда. Чтобы помочь. Это очень важно. — Он указал на череп. — Я сейчас вернусь, а вы постойте. Чтобы сберечь. Вот так, — и он продемонстрировал, встав над черепом на четвереньки.

Папа все никак не мог найти раствор, а дождь стал сильнее и превратился в ливень. Только минут через сорок с фотоаппаратом, раствором и зонтиком папа примчался к своей находке... и был поражен тем, что увидел: первокурсница Галя, о которой он уже и думать забыл, все так же, не меняя позы, стояла под проливным дождем.

Но еще больше она поразила его позже, когда в Ленинграде, в студенческой аудитории, папа горячо защищал свою версию неземного происхождения найденного черепа. Студенты и преподаватели спорили до хрипоты, а потом кто-то спросил молчаливую девушку:

— Галя, а ты на этот счет что думаешь?

— Я думаю, это череп ишака, — ответила мама. — Даже не думаю, а знаю. Я из Ташкента, я там их и раньше видела.

Папа вскричал:

— Что же вы раньше не сказали?!

А она ответила:

— Вы не спрашивали.

Вот тут он в нее и влюбился. Такая у нас семейная легенда...

Мы молча ели, пихаясь со Стасом под столом, а только что названный котенок Валька думал, что это мы с ним играем, и кусал нас обоих за ноги. Вдруг папа очнулся и, торопливо дожевывая яичницу, спросил:

— Стасик, ты не знаешь, где у нас зубило?

За инструменты у нас отвечает Стас, но от этого вопроса и он растерялся. Зубилом мы давно не пользовались.

— На балконе, в ящике с инструментами, — сказал он. И, подумав, добавил: — Наверное.

— Спасибо, Стас, — очень ласково поблагодарил папа, — я посмотрю. Нужно зубило, чтобы...

Папа замолчал и стал прихлебывать горячий чай. Мама как ни в чем не бывало продолжала гладить настоящего египетско-

го моа, улегшегося у нее на коленях. А мы со Стасом переглянулись. Что-то явно затевалось.

Но до самого вечера все было тихо.

Мама собралась, погудела в прихожей пылесосом и ушла в музей — она там работает старшим научным сотрудником. Через полчаса, подточив зубило напильником, пошел на работу и папа. В тот же самый музей, где он, как и мама, старший научный сотрудник. Только мама специалист по Египту, а папа — по доисторическим временам и по старинному вооружению, от австралийских боевых бумерангов до алеутских панцирей из моржовой шкуры.

У меня почему-то были сомнения, на работу ли идет папа: если уж он снова занялся поисками пришельцев, то на мелочи отвлекаться не станет. Дождавшись, когда папа кончил пылесоситься и хлопнул дверью, я выскочил в лоджию. Мы живем совсем рядом с музеем, буквально через улицу, по диагонали от него. Но папа действительно шел на работу, жизнерадостно помахивая портфелем. Пользуясь отсутствием прохожих (а откуда им взяться в полседьмого субботнего утра?), папа временно делал движения, напоминающие прием каратэ мавашигири. Получалось у него плохо. Папа теоретик, а не практик.

Когда за папой захлопнулась музейная дверь, я вернулся на кухню. Стас развалился на табуретке (как на ней можно развалиться — не знаю, это умеет только мой брат) и очищал бутерброд с кошачьим волосом от меда. То есть наоборот, бутерброд с медом от кошачьих волос.

— Как думаешь, папа что нашел, бластер или космический корабль? — задумчиво спросил Стас. Он был еще молод и не утратил оптимизма.

— Городскую канализацию, — грубо ответил я, потому что помнил прошлогодний папин конфуз, из-за которого во всем квартале не было воды и соседи смотрели на нас волками.

— Да-а, — протянул Стас и поскущел. — Что сегодня делать-то будем?

— Не знаю, — сказал я, пытаюсь сообразить, какие вообще бывают на свете дела.

— Может, пойдем по музею пошляемся, на Неменхотепа посмотрим? — предложил Стас.

Неменхотеп — это фараон, точнее — мумия фараона, которая лежит в саркофаге у мамы в египетском зале. И мы иногда ходим поглядеть на него. Все-таки интересно понимать, что перед тобой не кукла какая-то, а мертвый человек, который был живым много-много веков назад. У него сморщенное злое лицо, а на руках — браслеты. Только сегодня поглазеть не получится, и я объяснил Стасу почему:

— Мама сказала, что ее зал к ремонту готовится и Немен-хотепа в запасник унесли. Его к тому же еще и реставрировать будут.

— Как это, интересно, можно человека реставрировать?

— Он не человек, — ответил я, — он экспонат.

Стас удовлетворенно кивнул, откусил кусок бутерброда и стал разглядывать зулусский ассегай, висящий над кухонным столом. Потом лицо его оживилось, и он внимательно посмотрел на резное деревянное панно на противоположной стене. Кухня у нас длинная, и я сразу понял его идею — потренироваться в метании ассегая. Я торопливо сказал:

— Стас, сегодня же суббота! У Димки отец на дачу уезжает, компьютер свободный!

Стас перестал жевать, подумал и сказал:

— Ага, свободный. Димка сядет в «Цивилизацию» играть, и до самого вечера.

Димка — это наш сосед, он живет над нами, на втором этаже. У его отца есть старый айбиэмовский компьютер.

— А мы прямо сейчас к нему пойдем, — нажимал я, — и сядем вместе в «Варлордов» играть.

Слава Осирису*, удалось мне Стаса отвлечь от смертоубийственных планов. «Варлорд» — тоже воинственная штука, но она хоть на экране, и ассегаи над головой не летают. Мы со Стасом дружно натянули шорты и рубашки, потом пошли в прихожую, где у нас лежит всегда включенный в сеть пылесос «Шмель», и почистили друг друга от шерсти. Наглая рыжая кошка по кличке Собака дождалась отключения пылесоса и бросилась тереться о наши ноги. Но мы быстро выскочили за дверь.

— Надо еще один «Шмель» купить, — сказал Стас, давя на кнопку Димкиного звонка.

— Точно, — согласился я, — в два раза быстрее будем собираться. Только как родителей уговорить?

— Ерунда, — отмахнулся Стас, — проводок перережем, они решат, что пылесос сломался, и новый купят. А мы тут же старый починим.

— А если они его уже выкинут?

— Так они же нас выкидывать пошлют, а мы его припрячем. Заспанный Димка открыл дверь, и мы нырнули навстречу приключениям.

«Варлорд» — это такая игра! Такая! Если вы в нее не играли, то и объяснять бесполезно. А вот если играли, то я вам коротенько расскажу: борьба шла на Иллурийской карте, про-

* Осирис — один из самых уважаемых др. египтянами богов. — *Примеч. авторов.*

тив пяти варлордов, Димка играл за зеленых, Стас за красных, а я за оранжевых. У Димки было три помолвившихся визарда, у Стаса четыре дракона, причем два с силой девять, а у меня только рыцарь, зато с луком Элдроса и малиновым знаменем. Все. Кто знает, тот поймет, почему мы и глазом моргнуть не успели, как оказалось, что день уже прошел. Да мы, наверное, и как ночь прошла не заметили бы, если бы не услышали, как на первом этаже хлопнула наша дверь.

— Папа с мамой вернулись, — сказал Стас, а минуту спустя, когда его драконы полегли у стен моего города, предложил: — Пойдем домой, пожевать хочется.

Если дома кто-то есть, дверь у нас не запирается. Мы вошли молча, потому что все эмоции израсходовали за игрой. Наши шумели на кухне. Тихо так шумели, уютно. Родители разговаривали, постукивая посудой, а кошки нестройно мяукали, требуя ужин.

— Есть хочется, — повторил Стас. Я кивнул. И тут до нас донесся папин голос:

— И все-таки, Галина, давай поговорим, пока детей нет. Чтобы не лезли.

Мы со Стасом затаили дыхание.

— Давай, — ответила мама. — Только не говори мне, что нашел инопланетный корабль.

— Нашел, — убитым голосом отозвался папа. — Ты как узнала, Галь?

— Ты их все время находишь.

Мяуканье прекратилось — мама начала кормить кошек, и в наступившей тишине особенно отчетливо было слышно, с какой виноватой интонацией папа рассказывает об очередном космическом корабле.

— Галь, помнишь, как мы с грузчиками вчера глыбу в запасник перетаскивали? Чтобы ремонту не мешала.

— Помню, конечно, — ответила мама.

— И что ты об этой глыбе знаешь?

— Все знаю. Ее нашли где-то возле сфинкса. По всей поверхности — иероглифы, но такие стертые, что реставрации не подлежат. Я сама писала заключение: «Научной ценности не представляет».

— Ага! — внезапно завопил папа. — Не представляет?! А как мы втроем могли ее передвинуть, ты не подумала? Каменную глыбу размером три на пять метров!

Мама молчала. Потом неуверенно спросила:

— А вы ее что, втроем перетаскивали?

Папа саркастически рассмеялся.

— Вот так-то! Ближе к народу надо быть!

— К грузчикам ближе? Ну, если ты настаиваешь... — покорно сказала мама. Мы со Стасом ухмыльнулись.

— Галина! Не остри! Не время. — Папа, похоже, был настроен сурово. — Я привык к твоему юмору. У меня иммунитет на твои выходки. Я даже не спорю, когда бедные ребята учат никому не нужный древнеегипетский...

— В жизни пригодится, — отрезала мама.

— Галина! — возмутился папа. — Ты же восточная женщина! Ты не должна пререкаться с мужем!

— Извини, дорогой, — как ни в чем не бывало ответила мама. Когда хочет, она ведет себя как восточная женщина, а когда хочет — как очень даже европейская. — Так что там с глыбой?

— Я отбил от нее кусок, — твердо сказал папа.

Наступила гробовая тишина. Потом мама сказала:

— Милый, только не волнуйся. Я приклею его на место, никто и не заметит.

— Не надо, я цемента маленько плеснул и приладил.

— Вандал! — охнула мама. — Ты же не реставратор! Ценна та глыба или нет, но ей уже пять тысяч лет! — От волнения она заговорила стихами.

— А под тонким слоем камня — отполированный металл, — парировал папа.

Снова стало тихо-тихо. Аж слышно, как кошки чавкают.

Я жаждал себе рот руками, чтобы не заорать. Ай да папа! А я не верил...

— Какой металл? — спросила мама испуганно.

— Неизвестный науке! — провозгласил папа. Правда, через секунду менее уверенно добавил: — Мне, во всяком случае, неизвестный. Голубовато-серый, очень твердый. Я зубилом царапал — никаких следов. Галя! Внутри глыбы, которой пять тысяч лет, — пустотелый металлический предмет. Точно! Это может быть лишь инопланетный космический корабль.

— Что будем делать? — очень тихо и послушно спросила мама.

— Встанем рано, чтобы долго не спать, чтобы не терять время, — ответил папа. У меня глаза на лоб полезли. Впрочем... Раз уж папа нашел космический корабль, то вправе на радостях составлять и трехступенчатые фразы. У каждого лауреата Нобелевской премии должна быть своя маленькая странность, а то журналистам скучно будет.

— Обколем весь камень с корабля, — продолжал он тем временем. — Люк поищем, чтобы внутрь забраться, чтобы корабль осмотреть, чтобы первыми все узнать... Потом позовем журналистов и покажем. А то, если коллегам сказать, полмузея